

Путь актрисы

Шестнадцатилетней девушкой пришла Настя в тесное душное помещение клуба «общества трезвости» на любительские спектакли. Молодой сельский учитель, руководивший постановками, заметил тонкое загорелое девичье лицо с сияющими глазами. Он и раньше встречал эту девушку на сельских гуляньях, дивясь ее пластичной грации в плавных хороводах и голосу, полновзвучному и теплому.

— Я! Выступать на сцене? Да что вы!.. Я же ничего не умею! — с испугом отнекивалась Настя, а у самой от счастья захватывало дыхание.

Но она сумела. В новом спектакле — «Не так живи, как хочешь» Островского — появилась трепетная, неловая, совсем юная купеческая жена Даша. Горькая участь нелюбимой, душевно истерзанной самодуром-мужем молодой женщины была близка и понятна зрителям — рабочему люду купеческих рыбных промыслов. Из жизни, бегущей рядом, из моря беспросветного извечного бабьего горя, из светлых родников девичьих мечтаний о любви и радости несмелой еще ладонью зачерпнула Настя — дочь рыбака — живые краски, и образ Даши в любительском спектакле наполнился теплом и светом.

Но путь в искусство был трудным и тяжким путем. Имя молодой актрисы «г-жи Луговой» кочевало с афишами театральных трупп по российским городам и городкам: Астрахань, Старый Оскол, Курской губернии, Колодежи и Золотоноша — Полтавской, и снова Астрахань, но Астрахань совсем новая — сражающаяся, революционная, та крепость на Волге, которую большевики под руководством Кирова отстаивали в жестоких схватках с белогвардейцами и интервентами. Разруха и голод, свирепая «испанка» и тиф — зловещее охвостье войны, ползли из-за углов и наносили удары в спину измученному и мужественному городу. Но зрители прихо-

Очерк

дили в театр, зачастую прямо с фронта, и их шинели и бушлаты пахли порохом сражений и дымом походных костров.

В зале горестно и гневно чертыхались, когда нежная Луиза Миллер или шекспировская Джульетта, дрожа от холода на сцене и творческого восторга, умирали, погубленная злодеями — но эта смерть утверждала торжество немеркнувшей любви над коварством и силу света — над бесильно-злой тьмой.

— Луизу! — кричал зал и топал сотнями тяжелых солдатских сапог и бил в сотни заскорузлых и грубых ладоней. — Луизу! Товарища Луговую!

И Луиза — товарищ Луговая, воскресшая, безмерно счастливая и взволнованная, стояла под ливнем аплодисментов и криков, как под живительной грозой какой-то новой, пришедшей на землю весны. Искусство теперь принадлежало народу, и было нужно народу не меньше, чем хлеб и порох этих первых лет революции. Оно должно было говорить в полный голос, и только правду — ту правду о победе больших человеческих чувств над злом и мраком, которая жила бессмертно в творениях великих драматургов прошлого и за которую боролись и умирали, побеждая, эти зрители — рыбаки и грузчики, солдаты Красной гвардии и матросы Волжско-Каспийской военной флотилии.

И товарищ Луговая играла перед ними, ибо сцена астраханского театра стала таким же передовым участком фронта, а она — советская актриса — его рядовым и верным бойцом. Она играла даже в тот мартовский вечер, полный стужи, когда умирали от «испанки» ее шестнадцатилетняя дочь — в спектакле не было замены, а отложить спектакль театр не мог, — и Анастасия Георгиевна об этом хорошо знала... На переднем крае борьбы, труда и искусства подчас были

свои тяжелые и необходимые жертвы.

Так приходила зрелость сердца, легкий жизненный опыт — и росло и крепло мастерство прекрасной актрисы, основой которого была правда жизни, преломленная через многогранную призму искусства.

Прошли долгие годы. И вот без горечи, боли и трагического перелома актриса повстречалась со своим мирной и ясной старостью. Давно уже кокетливая Марья Антоновна из «Ревизора» и страстная, бунтующая красавица Василиса Мелентьева уступили место лукавым и умным сваям, советским матерям и бабушкам, седым учительницам из юношеских пес. И уже не нужны были парики с седной и старческий грим, ибо волосы актрисы совсем побелели, паутиной прожитых лет легли морщины на чистый лоб, а дома подрастали внучата.

Двадцать восемь лет назад она впервые пришла на сцену детского театра — пришла уже опытным и взыскательным мастером, со своими творческими «секретами» и прочной властью над зрительным залом. Теперь же за опущенным занавесом этот зал шумел и волновался совсем по-иному, чем на спектаклях для взрослых, с их чинным приглушенным говором. И, странное дело, актриса заводилась тоже, вдруг поколебавшись в своей многолетней власти, поняв, что и этот зритель не только не поверит ее малейшей неискренности и фальши, но и не простит ей обмана.

Так она встретила с юностью своих зрителей — и эта встреча была началом ее нового творческого расцвета, той, полной солнца, золотой и долгой осени, которая пленяет уже второе поколение юных горьковских зрителей.

...Их десятки, этих пожелтевших от времени и совсем еще новых, пахнущих свежей типографской краской афиш и программ с маркой Горьковского ТЮЗа имени Н. К. Крупской, и с фамилией одной из самых старейших и любимых детворой и взрослыми актрисы — Анастасии Георгиевны Луговой.

В каждом спектакле она появляется перед нами знакомой, и в то же время совершенно другой и новой, и попрежнему мягко и властно ведет за собою недоверчивое и пылкое сердце юности, и оно, поверив, раскрывается навстречу большому и ясному чувству и мыслям — этим источникам будущих славных дел и подвигов.

...Провинциальная актриса Кручинина из пьесы Островского «Без вины виноватые», купеческая вдова Круглова из комедии «Не все коту масленица», злая баба из «Финиста — ясного сокола», мудрая, ласковая и обаятельная старая учительница Валентина Васильевна Волохова в спектакле «Ее друзья» — и много-много других ролей, сыгранных в одном и том же ключе — убедительной и жизненной правды и многообразии ее проявлений.

Но есть среди этих ролей одна, к которой Анастасия Георгиевна подходила с радостным и трепетным вос-

торгом, и те, кто видел актрису в этой роли, навсегда унесли с собою благоговейную и взволнованную благодарность. Чудесная старая русская женщина, с ее чудесной любовью к людям и жизни, с отзывчивой и чуткой душой и светлым умом — такова бабушка Алеши Пешкова, Акулина Ивановна — Луговая, в замечательном спектакле ТЮЗа, навсегда вошедшем в золотой фонд театра. Этот чистый и яркий образ, любимый миллионами читателей, был полон силы и вдохновения, накопленных за долгие годы. В милых детских воспоминаниях, в памятном бабушкином облике, в ее сказках и песнях, в живых наблюдениях жизни нашла актриса душу Акулины Ивановны Кашириной и рассказала о ней с мастерством и искренностью большого художника.

...Как ребенок, еще не рожденный, живет в материнском чреве, неразрывно связанный с матерью, так произведение искусства должно быть неотделимо от питающей его жизни. Прервется эта связь — прервется дыхание, остановится бег крови, и наступит смерть клеток! — голос Анастасии Георгиевны молод и звучен, совсем по-юношески блестят глаза, стройна и легка фигура, — вся ее жизнь была наполнена верой в силу творческого труда и исканий. Порою она и теперь плачет по ночам, заслуженная седовласая актриса, в этих творческих муках и поисках великой правды искусства.

На шумных городских улицах, во время поездок театра по колхозам, среди детей и взрослых, как когда-то в палатах военных госпиталей, где она выступала с концертами, ищут и находят эту правду ее внимательные и зоркие глаза. Репетиционный зал ее огромен и просторен — это наш сегодняшний день, с его смехом и слезами, с мечтой и действительностью, со светом и тенью, прячущейся в углах, это — долгие годы опыта, полвека работы на сцене, и неуязвимое юное сердце, которое продолжает беззаветно и горячо служить народу и его замечательному искусству.

Т. ГЛЕБОВА.